

МАРИНА ЗВИДРИНА

СКРЫТЫЕ ТЕРРИТОРИИ

МИО

Содержание

Северные берега	5
Побег	17
Небольшой город	29
Тайное путешествие учителя	36
Скаут	44
Подарок	56
Цветы кизила	65
Путешественники	73
Прибытие	80
Сиротский приют	99
Фицджеральд Омар Льюис	109
Ужин	118
Обитатели приюта	128

Школьный замок, наставники	
и другие дикие звери	136
Целая долька счастья	150
Кое-что новое и кое-что старое	165
Родимые пятна	172
«Атлас перемещений»	182
Удачные неудачные обстоятельства	190
Очень неуловимый учитель	200
Директор Маррон	212
«Сохрани и приумножь»	224
Тёмное дело Белой ночью	241
Трижук	255
Союзники без союза	265
Бурая чаща	272
Теперь ещё и каперы	282
Вездесущие	294
Селивёрст	302
Зелёное Марта	316
Маррон исчезает и возвращается	333
Всезнайка	350
Кража со взломом	363
Маррон и ещё раз Маррон	374
Тонка, Эстрейя и Ленивая Снорн	387
Улыбочку!	395

Северные берега

Чёрная-причёрная ночь разлилась по городу. По опустевшей улице шла в одиночестве женщина. Наряд её цветом сливался с темнотой вокруг, а глаза блестели по-кошачьи.

Женщина отстукивала шаги тонкой тростью. Тук-стук каблука, тук-стук трости, тук-тук-тук. Желая подыграть этой музыке, ветер хлопал в такт шлейфом её платья. Ветру было одиноко в ночи, и он так разыгрался, что чуть не сбил чёрный цилиндр с головы женщины. Ей это не понравилось, и она отмахнулась от ветра рукой, словно собиралась прогнать его. Ветер было рассмеялся такой наивности,

но внезапно понял, что его уже несёт в совершенно противоположную сторону.

Это был молодой полуночный ветер, рождённый над ледниками. Он летел сюда, огибая вершины сопок и расстилаясь над широкими равнинами. Гнал к югу тугие облака и тревожил ветки редких заиндевелых кустарников.

Так было, пока ветер не затерялся среди тесных городских улиц. Теперь он метался то туда, то сюда, стучался в закрытые двери, грохотал кровлями, раскачивал мачты фонарей и никак не мог улететь из города.

В одном из домов, мимо которого метался туда-сюда ветер, девочка по имени Ула лежала на кровати с открытыми глазами и, несмотря на позднюю ночь, совершенно не собиралась спать. Сегодня у неё был совсем не простой день. И прежде чем заснуть, нужно было всё хорошенько обдумать — съесть яблоко до огрызка, как любил выражаться её отец. Он был очень образованным человеком. Всегда учил дочь думать головой, зрить в корень и разоблачать несостоятельные теории. Поэтому Ула лежала, смотрела на потолок и понимала, что ничего не понимала.

Она с родителями только переехала на этот остров и уже успела заметить, что здесь всё

по-другому. Земля была пустынная, но не безжизненная, воздух холодный, но полный чего-то, что нельзя объяснить словами. Даже небо тут было не такое, как везде. Ула рассуждала, что, наверное, и жизнь здесь идёт по другим законам, с которыми она раньше просто не сталкивалась. В туристическом справочнике, взятом в библиотеке перед переездом, к примеру, писали, что на острове живут феи, тролли и приведения. Это вовсе не означало, что справочнику нужно было верить, хотя отчасти могло объяснить её сегодняшнее приключение.

В школу Ула никогда не ходила. Лучше учиться дома, так считали родители. К тому же они так часто переезжали из страны в страну, что школы пришлось бы менять ежегодно. Благодаря то ли переездам, то ли усердным занятиям Ула в свои двенадцать лет свободно говорила на английском, французском, испанском и русском, а также знала около трёх тысяч китайских иероглифов и уже две недели как изучала исландский. Удивительно, но это никак не помогало ей в общении с людьми.

Тем утром, которое Ула вспоминала лёжа на кровати, она закончила уроки и отправилась на прогулку. Так как друзей у неё не было, гуляла Ула одна.

Рейкьявик казался маленьким, особенно в сравнении с Сингапуром, из которого они переехали. Она уже успела хорошо разведать и город, и его окрестности, поэтому уверенно прошла через центр и направилась к океану. Её тянуло куда-то подальше от жилья и людей.

Ула шла уже час, а может быть, два, а то и больше. Неожиданно она увидела какие-то постройки на берегу залива. Погода совсем не располагала к прогулкам, дул сильный ветер, могучие волны разбивались о круглые валуны на берегу. Разумно было бы повернуть домой, пока не стемнело, но что-то заставляло Улу идти дальше. Как будто нечто ждало её впереди, звало и мечтало о встрече. А временами даже казалось, что это что-то следует за нею, как тень или как приведение. Ула не могла сказать наверняка, было ли так на самом деле или только мерещилось. Возможно, ей просто хотелось иметь друга, которого можно было бы позвать с собой погулять.

Однако вместо прогулки в тёплой компании она настойчиво брела в одиночестве туда, где вдали у воды виднелись домики.

Ветер задул сильнее, и Ула решила: дойдёт до построек и повернёт обратно. Солёная морось, поднятая волнами и подхваченная ве-

тром, пропитала одежду и волосы, выбивавшиеся из-под шапки. Кожу на лице немного пощипывало, Ула повыше натянула шарф.

Дорога вдруг пошла вниз и стала мокрой. Правая нога скользнула вперёд, Ула качнулась назад, попыталась поймать равновесие, но тщетно — сильный порыв ветра подтолкнул её, и она упала на обочину. Ула вздохнула, улыбнулась своей неловкости и осмотрела исцарапанные ладони. Как только она собралась подняться и идти дальше, в ближайшей из построек распахнулась дверь. Осторожно оглядываясь, из-за двери показалась женщина.

Волосы у неё были настолько длинные, что доставали до земли, а когда их отбросило ветром, Ула увидела, что та была совершенно голая. Не обращая внимания на холод и ветер, хлеставший по коже, незнакомка уверенно двинулась к океану.

Не то чтобы Ула не ожидала встретить на прогулке людей, она скорее не предполагала, что кто-то может в такую погоду разгуливать голышом, поэтому она, так и не поднявшись с земли, следила за женщиной, раскрыв рот от удивления.

Та ускорила шаг и с разбегу кинулась в ледяные бушующие волны. Ула вскочила на ноги.

Волны с силой кидались на берег. Когда Ула добежала до воды, женщины нигде не было видно.

Сначала Ула просто глотала ртом воздух, его солёный плотный вкус обволакивал горло, не выпуская ни звука наружу. До того как у неё получилось закричать, казалось, прошла целая вечность. Ула бросилась в сторону домиков и стала колотить руками по закрытым дверям, звать на помощь на всех языках, которые знала, но никто не открывал. В постройках было пусто, она вдруг поняла, что это всего лишь сарайчики для лодок, в которых точно никому и в голову не пришло бы поселиться.

Ула почти сорвала голос и вернулась к морю ни с чем. Она решила, что, если волны выбросят тело женщины на берег, тогда, возможно, ей удастся оттащить его подальше от воды и найти-таки кого-то из взрослых.

Солнце почти скрылось за горизонт, низкие сизые облака с каждой минутой становились всё тяжелее. Сильно похолодало. Чтобы успокоиться и согреться, Ула начала ходить быстрым шагом вдоль берега.

Хоть Ула и была на берегу совершенно одна и совсем никто не отзывался на её крики о помощи, девочку не покидало чувство, что за ней следят.

Прошло уже много времени, и было глупо надеяться увидеть ту женщину живой. Однако внезапно Ула разглядела её в волнах. Та гребла в сторону утёса, что клином врезался в воду. Ула бросилась к ней на выручку, но, когда взобралась на утёс, увидела, что незнакомка чинно поднимается из воды и ни в какой помощи не нуждается. Её волосы развевались на ветру, как и прежде, будто вода их и не касалась. Высокая волна взметнулась у незнакомки за спиной, словно попрощалась, после чего улизнула по камням обратно.

Хоть это и было совсем неправдоподобно, но женщина не выглядела ни замёрзшей, ни уставшей. Она смотрела на Улу раздражённо, как будто та помешала важному делу. Ула подумала, что, наверное, вежливо было бы отвернуться, но вместо этого не могла отвести от незнакомки глаз.

— Я только хотела помочь. Я думала, что нужна помощь. Что вы утонули, — промямлила Ула, когда женщина подошла совсем близко.

Незнакомка глубоко втянула носом воздух, посмотрела куда-то Уле через плечо, после чего её взгляд изменился. Женщина заговорила, но Ула не поняла ни слова.

— Ég tala ekki íslensku*, — пробормотала Ула в ответ.

У женщины округлились глаза от удивления, словно было такой дикостью не знать исландский. Она оглядела Улу с ног до головы и, не сказав больше ни слова, пошла прочь от берега. Потом остановилась у домика, искала кого-то взглядом в темнеющих сопках, покачала головой и скрылась за дверью сарая.

«Странные нравы», — подумала Ула и тоже покачала головой. Сумерки давно спустились, облака почернели, горизонт растаял в тумане. Ей давным-давно пора было возвращаться домой, иначе родители могли поднять тревогу.

Теперь, посреди ночи, вместо того чтобы спать, Ула лежала в кровати с открытыми глазами и изучала потолок. Она так и не смогла придумать объяснения увиденному. Родителям девочка решила ничего не рассказывать. Вряд ли бы их обрадовали её далёкие прогулки по острову и общение с голыми людьми.

Мысли прервал порыв ветра; он распахнул неплотно закрытое окно и перелистал страницы тетрадки, лежавшей на подоконнике. Ула встала, закрыла окно, а заодно и свой

* Я не говорю по-исландски (исл.). Здесь и далее прим. ред.

дневник, ещё и на верёвочку завязала, чтобы надёжно сохранить содержимое от посторонних глаз. «Ветры, конечно, читать не умеют, — сказала Ула самой себе, — но осторожность не помешает».

Девочка посмотрела в окно. Жители всех окрестных домов, в отличие от неё, спали, свет нигде не горел. Разноцветные крыши в ночи стали серыми и сливались одна с другой. Только раздутая от гордости луна помогала фонарям освещать пустые улицы. Даже ветер, и тот теперь куда-то улетел.

За окном были тишина, покой и ровно никаких ответов на вопросы.

Слева, где улица поворачивала в горку и одинокое дерево отбрасывало скупую тень, что-то зашевелилось. Ула пригляделась и заметила собаку. Собака была лохматой и крупной, но, какой породы, издалека сказать было сложно.

Ула смотрела на собаку, и ей казалось, что та смотрела на неё. Такая же одинокая и бессонная. Немного поколебавшись, девочка решила выйти на улицу и попробовать подманить бедолагу. С животными Ула всегда ладила хорошо, они её слушались. «Скорее всего, — рассуждала девочка, — сбежала у кого-то из соседей». Откуда ей ещё тут взяться? Родители

утром обязательно разберутся и вернут её владельцам, а пока она приютит четвероногого друга на ночь и чем-нибудь накормит.

Ула на цыпочках спустилась, прихватила из холодильника начатую упаковку ливерной колбасы, надела ботинки, куртку поверх пижамы и вышла на улицу. Она шла медленно, чтобы не спугнуть собаку, но та, увидев Улу, всё равно вильнула на соседнюю улицу и теперь наблюдала из-за угла.

«Ну это уж не дело — убежать от еды и ночлега посреди холодной ночи», — возмущалась про себя Ула, но продолжала идти за собакой. Когда она дошла до поворота, то увидела, как морда выглядывает уже с другого конца переулка.

— Иди ко мне! — поманила она собаку колбасой, но та не шевельнулась, только убедившись, что девочка следует за ней, снова скрылась за поворотом.

Ула прибавила шагу и укуталась в куртку. «Вот же выдались и день, и ночь!» — думала она, но продолжала идти за собакой, пока они не оказались в пустом городском парке.

Задаваясь вопросами, что такое нашло на неё сегодня, куда и зачем она отправилась днём и что делает здесь, в парке, ночью, Ула

подошла к собаке довольно близко, чтобы разглядеть её и понять — это была никакая не собака.

Это был волк.

Белый, местами пепельный мех переливался под лунным светом. Зверь не сводил с девочки пронзительных глаз. Ула замерла в ужасе, и упаковка колбасы выскользнула у неё из рук. События коротких двенадцати лет жизни проносились перед глазами с бешеной скоростью. Растерянная и напуганная, Ула и шагу не могла ступить, чтобы двинуться с места. Голос от волнения снова пропал, и всё, на что Ула была способна, — это опять хватать ртом воздух. словно по велению сердца, она подняла руки. Как будто хотела показать волку, что не собирается на него нападать. В следующее же мгновение зверь сделал один-единственный молниеносный бросок, всё, что Ула успела почувствовать в тот момент, — это как тёплые волчьих лапы коснулись её ледяных ладоней.